

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ ПОЭМЫ ГЕННАДИЯ АЛЕКСЕЕВА «ЖАР-ПТИЦА»

(*Вступительная статья, подготовка текста и комментарии*
А. М. Ельяшевича, А. Д. Клименко)

Аннотация: Вниманию читателя предлагается неопубликованная первая редакция поэмы «Жар-птица» Геннадия Алексеева, рассказывающая о любви и смерти в блокадном Ленинграде. Текст произведения сопровождается обширными текстологическими комментариями. В научный оборот вводятся черновые рукописи и наброски поэмы. В преамбуле публикации на основе дневников поэта и архивных материалов воссоздается творческая история «Жар-птицы» и освещается ее сложная издательская судьба, обусловленная цензурными ограничениями.

Ключевые слова: Геннадий Алексеев, поэма «Жар-птица», блокада Ленинграда, дневники, советская цензура, текстология XX в.

Abstract: The reader is invited to the unpublished first version of the poem by Gennady Alekseev «Firebird», telling about love and death in the besieged Leningrad. The text of the work is accompanied by extensive textual comments. In the scientific circulation, introduced the drafts of the manuscripts and drafts of poems. In the preamble of the publication on the basis of the poet's diaries and archival materials recreates the creative history of «Firebird» and highlights its complex publishing fate due to censorship restrictions.

Key words: Gennady Alekseev, poem «Firebird», blockade of Leningrad, diaries, Soviet censorship, 20th century text study.

Литературное наследие ленинградского поэта, основоположника петербургской школы свободного стиха Геннадия Алексеева (1932–1987) совсем недавно стало предметом научного интереса. Богатейший архив поэта, который хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ИРЛИ), еще не полностью каталогизирован. В 2007 г. в «Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003–2004 годы» появилась первая публикация, посвященная материалам фонда Алексеева.¹ Помимо подробного анализа особенностей свободного стиха, весьма популярного в западноевропейской поэзии, а в русском литературоведении иногда ошибочно отождествляемого с белым стихом, статья содержит несколько десятков не публиковавшихся ранее стихов, черновые рукописи которых хранятся в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ф. 868), план поэмы «Жар-птица» в двух вариантах и короткую прозаическую заметку «Сон в майскую ночь».

---

¹ Мирзаев А. М., Орлицкий Ю. Б., Родюкова М. В. Стихи и проза Геннадия Алексеева в Рукописном отделе Пушкинского дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003–2004 годы / отв. ред. Т. С. Царькова. СПб., 2007. С. 809–856.

Авторы статьи – А. М. Мирзаев, Ю. Б. Орлицкий, М. В. Родиокова – называют Г. Алексеева замечательным литератором, значение творчества которого, «как водится в России, стало очевидным только после его смерти»,² и с сожалением отмечают, что сегодня о нем «знает очень узкий круг специалистов и любителей поэзии, в первую очередь – свободного стиха, которому Г. Алексеев отдавал в своем творчестве решительное предпочтение».³

Так случилось, что из произведений, опубликованных при жизни Г. Алексеева, наибольшее признание получила поэма «Жар-птица», которую критик Никита Елисеев справедливо назвал одним из двух великих произведений о блокаде (вторым таким произведением, по его мнению, является повесть Вадима Шефнера «Сестра печали»).⁴ Написана поэма была в 1961 г. В 1965 г. отрывки из нее появились в ленинградской газ. «Смена». Полностью она была опубликована лишь в 1973 г. в журн. «Аврора», затем вошла в авторский сборник стихов «На мосту» (1976).

В архиве сохранилась первая редакция поэмы (датирована октябрём 1961 г.),⁵ существенно отличающаяся от опубликованной. По дневнику Г. Алексеева можно частично восстановить историю создания поэмы. В 1961 г. поэту исполнилось 29 лет. Медленно, но верно он приближался к тридцатилетнему рубежу. Согласно словам из песни Юрия Кукина, ровесника Алексеева, «это возраст вершины». Появилась надежда, что стихи будут напечатаны не только в журналах. Алексеев отмечал в дневнике:⁶

9/II. 1961 г.: «...Звонила Грудинина.⁷ Предложила мне сделать книжку. <...> Прислали корректуру переводов. Первая в моей жизни корректура» (с. 21).

24/III. 1961 г.: «...Звонила Грудинина. Сказала, что сборник прошел редколлегию» (с. 21).

В начале лета, 15 июня 1961 г., он приехал в Разлив в гости к Н. И. Грудиной и прочел ей всю поэму «Стенька Разин». «Стенька её пронял», – в тот же день записал в дневнике Алексеев (с. 24).

Первая запись, свидетельствующая о появлении замысла новой поэмы, датирована 17 июля 1961 г.: «Привел в порядок свои поэмы. Появилась мысль о новой. Это будет поэма о любви. Джульетта умирает в блокадном Ленинграде. Ромео несет ее тело по пустынному мертвому городу. Это должно быть очень строго и возвышенно. Это должно быть на одном дыхании» (с. 25–26). Однако немногим ранее, 28 мая, поэт сделал пессимистичную запись: «Пытаюсь писать стихи о войне. Не выходит» (с. 23).

Трудно точно установить время, когда началась работа над поэмой. Однако, судя по тому, что вплоть до 24 авг. Алексеев, ведя почти каждодневные подробные записи в дневнике, ни разу не упомянул о поэме, он приступил к ее

---

² Там же. С. 809.

³ Там же.

⁴ Елисеев Н. Тени стихов // Новый мир. 2007. № 9. С. 181–183.

⁵ РО ИРЛИ, ф. 868, оп.1, № 1–2.

⁶ Алексеев Г. Неизвестный Алексеев. Неизданная проза Геннадия Алексеева. Дневники. СПб., 2014. Далее ссылки на источник располагаются внутри текста.

⁷ Грудинина Наталья Иосифовна (1918–1998) – поэт, переводчик.

написанию не раньше конца августа. С 7 по 24 авг. поэт ездил со студентами по святым местам и практически ежедневно вел заметки. Запись от 24 авг. была сделана в Борисоглебском монастыре, затем записи обрываются. Вернувшись в Ленинград, Г. Алексеев, по-видимому, полностью погрузился в работу над поэмой. Она была написана меньше чем за два месяца.

Следующая запись в дневнике появилась только 20 окт. и посвящена она поэме: «Закончил “Жар-птицу”. Весь день не в своей тарелке. Тяжелая голова. Будто пьян. Очень хочется кому-нибудь прочесть. Майка (жена поэта Майя Алексеева. – А. К.) боится “Жар-птицы”» (с. 41). И спустя месяц, 20 нояб., отмечает: «Про “Жар-птицу” говорят, что в ней есть нечто античное (Орфей спускается в аид (так! – А. К.) за своей Эвридикой)» (с. 41).

Поэма была написана, как выразился Алексеев, «на одном дыхании». Поэт вспоминал позднее, что замысел произведения возникал постепенно: «Откуда-то из темных закоулков сознания извиваясь выползла пока еще неясная первоначальная идея: поэма будет о любви, и не просто о любви, а о любви истинной, высокой и трагической. Трагизм станет следствием неких роковых обстоятельств, которые разлучат влюбленных навеки. “Видимо, не обойтись без смерти”, – размышлял я, – любовь и смерть это всегда красиво...».⁸ Через какое-то время «обозначились контуры сюжета, определились время и место действия».⁹

Начиналась поэма с описания Пискаревского кладбища, на которое Геннадий Алексеев, по собственному признанию, впервые попал 3 июня 1961 г. (мемориал открыли в 1960 г.). В дневнике он весьма подробно описывает свое первое посещение мемориала, которое произвело на него сильнейшее впечатление:

«Уругвайский архитектор – коммунист. Возил его на Пискаревское кладбище (я и сам был там впервые). Осмотрели павильоны при входе. На стенах фотографии блокадного города: трупы, развалины, пожары. Я говорил, переводчица переводила. Уругваец слушал очень внимательно, переспрашивал.

Пошли по главной аллее между братских могил. Играла траурная музыка. Громкоговорители подхватывали ее один у другого и несли за нами. Подошли к мемориальной стене, постояли.

В машине продолжался разговор о войне и блокаде. Шофер рассказывал о том, как зимой 42-го он возил на кладбище трупы из больничного морга. Пятитонку наваливали с верхом. Были женщины, дети – все почерневшие, страшные. Я попросил переводчицу все подробно перевести.

Мы ехали по шумному летнему проспекту. Мчались машины, шли веселые, здоровые люди.

Шофер продолжал: “...Стоит женщина и держит за ноги труп ребенка, поставив его на голову, стоит и разговаривает со своей знакомой... Шла

---

⁸ Алексеев Г. Неизвестный Алексеев: Неизданная проза Геннадия Алексеева. СПб., 2017. С. 461.

⁹ Там же.

девушка, не очень худая... упала... через полчаса проходил мимо – у трупа вырезали груди и ягодицы...”. Сеньор архитектор как-то сник» (с. 23).

Не подлежит сомнению то, что именно посещение Пискаревского кладбища явилось толчком к появлению замысла поэмы, действие которой разворачивается в блокадном Ленинграде. Однако первым откликом на это событие стало стихотворение «SILENTIUM», датированное 1961 г. (в 2007 г. оно было впервые опубликовано по черновому автографу¹⁰), открывающееся строками:

Вчера я был на кладбище,
На братском кладбище,
Одном из многих.

В заключительных строках стихотворения поэт обращается к ленинградцам, перед которыми чувствует вину за свое долгое молчание:

О, ленинградцы!
Земляки мои!
Слова бессильны.
Простите мне
Молчание моё!

В архиве также обнаружены две черновые редакции стихотворения «На Охтинском кладбище...», написанного до поэмы «Жар-птица». По всей видимости, именно из него выросла поэма. Поэт встречает на кладбище пятилетнюю девочку (в первой редакции стихотворения эта встреча происходит во сне), она бежит по дорожкам между братских могил. На вопрос, кем она хочет стать, девочка отвечает – «Жар-птицей!»:¹¹

На Охтинском кладбище
Я познакомился с одной девочкой
лет пяти.
Она была
в коротком розовом платьице
и с розовым бантом
в золотых волосах.
Она бегала по дорожкам
между братских могил
и ловила бабочек.
– Ты чья? – спросил я её.
– Ничья! – ответила она, –
– Я сказочная.
– А как тебя зовут, –
спросил я.
– Светланой, – ответила она.
– А кем ты хочешь стать,
Когда вырастешь?
– Жар-птицей, – ответила она.

---

¹⁰ РО ИРЛИ, ф. 868, оп. 1, № 12, л. 1–3.

¹¹ Там же, л. 21.

– О, это очень интересная
и очень редкая профессия! –
сказал я.
– Ещё бы! – сказала девочка
и убежала.

Обнаружен в черновых материалах и план поэмы в двух вариантах.¹²

1. Вступление (начало всего)	Пролог
2. Проводы	1. Любовь
3. Ее письмо	2. Проводы, вокзал
4. Его письмо	3. Конец. Блокадный город
5. Конец	

На том же листе короткая прозаическая заметка «Сон в майскую ночь», в которой пересказывается краткое содержание поэмы. Отдельные фразы этой заметки без изменения вошли в текст произведения. Согласно первоначальному замыслу автора, героиня поэмы была похоронена не на Охтинском, а на Серафимовском кладбище:

«В день победы вышли все скелеты из братских могил. Потоками текли они к центру города. Скелеты в рваном наряде, в простынях, в одеялах. Один из скелетов схватил меня за руку: я тороплюсь. Я девушкой была, меня звали Анной. Я тороплюсь. Мне нужно рассказать, пусть знают люди. Я знаю, вы поэт. Напишите поэму о нашей любви. Я тороплюсь. Стук костей. Простите, вам не страшно. Вы не бойтесь, я не пахну, всё давно сгнило. Я была красива. У меня были золотые волосы и серые глаза. Рискну о любви. О нём и о себе. Потом меня бросили на грузовик и закопали. И я его никогда не видела. Помогите мне найти его. Он жил на Моховой. Скажите, я лежу на Серафимовском, пятая траншея от ограды, в метре от юго-западного угла. Пусть он придет. Простите. Я тороплюсь. Пора! Прощайте!».¹³

Помимо плана поэмы и черновых набросков¹⁴ в архиве Геннадия Алексеева представлена рукопись первой редакции на отдельных листах (перебеленный черновик с авторской правкой; листы в линейку, вырванные из блокнота на пружине),¹⁵ а также более поздняя рукопись – авторская машинопись с обширной правкой.¹⁶

Издательская судьба поэмы складывалась драматично. В дневнике и автобиографическом рассказе с многозначительным названием «Надо быть хорошим» автор описывает все перипетии издания поэмы.¹⁷

Еще за два года до публикации отрывков поэмы в «Смене» – в декабре 1962 г. – на конференции молодых литераторов разбирали «Жар-птицу»

¹² Там же, № 12, л. 4.

¹³ Там же, л. 4 об.

¹⁴ Черновые наброски поэмы: «Они бродили по городу...» (Там же, № 12, л. 5–6); черновики первой редакции – № 2, л. 22–26 об., 38–43; начало и окончание поэмы (наброски второй редакции) – № 2, л. 20.

¹⁵ Там же, № 1, л. 1–35.

¹⁶ Там же, № 2, л. 1–19.

¹⁷ Алексеев Г. Неизвестный Алексеев: Неизданная проза Геннадия Алексеева. 2017. С. 461–486.

и некоторые стихотворения (шестишия) Алексеева. По воспоминаниям поэта, «“Птица” произвела впечатление» (с. 48). Однако Л. Кушлин отметил: «Вы смакуете ужасы, это суперпессимизм, но он не лучше супероптимизма». Поэт отмечает в дневнике: «Грудина за глаза ругает “Жар-птицу” и меня, говорит: пусть пишет, как Евтушенко! (?)» (с. 48).

Не раз Алексеев пытался опубликовать поэму целиком, но получал отказы. Так, в августе 1963 г. пришел отказ из «Нового мира»: «А. Т. Твардовский прочел Вашу поэму и высказался против ее опубликования» (с. 66). Алексеев с болью отмечает в дневнике: «Так даже лучше. Ясность» (с. 66).

В октябре 1965 г. Алексеев посещает редакцию «Смены» в Доме прессы на Фонтанке. Герман Гоппе,¹⁸ в то время литературный консультант газеты, убеждает поэта в необходимости серьезной переделки: «...В поэме есть один недостаток – слишком это общо, слишком вне времени... Вообще все не напечатает, надо сокращать, я вот тут кое-что наметил...» (с. 172). Только после существенной переработки и сокращения поэма увидела свет. Именно на основе этой сокращенной версии и вырастет вторая – окончательная – редакция поэмы. Судя по дневниковым записям, поэт менее чем за месяц переделал поэму.

28/X. 1965 г.: «Отнес “Жар-птицу” Гоппе. Переделка ему понравилась. Он даже как-то оживился, разволновался, прочитав новый, сокращенный вариант... Я даже забыл, что “Птица ошипана, мною же ошипана...”» (с. 172).

В 1966 г. поэму вернули из «Юности» со словами «Ваша поэма редакцию не заинтересовала» (за подписью Н. Злотникова) (с. 183), а спустя два года, в 1968 г. – из журн. «Звезда» с пространным комментарием: «...Мироощущения людей никак не связаны с их биографиями» (с. 268). В издательстве «Советский писатель» говорили поэту: «Конечно, в ленинградских журналах вас печатать не будут. Да и вообще ваши стихи не для журналов. Надо потребовать сделать книжку... Ваши вещи настораживают, есть в них что-то отпугивающее. Поэтому надо очень, очень тщательно отобрать» (с. 268). Но первая книга вышла только спустя долгие восемь лет, в 1976 г. – это был авторский сборник стихов «На мосту».

В мае 1969 г. «Жар-птицу» вернули из журн. «Север». Заведующий отделом поэзии Э. Тулин писал автору: «С удовольствием прочел Вашу поэму... Великолепен прием смешения мистического с реальностью. Этот монолог умершей сделан, по-моему, мастерски. Но это личное отношение к написанному...» (с. 276).

Окончательный вариант поэмы возник уже на стадии ее переработки для журн. «Аврора». В редакцию только что открывшегося литературно-публицистического и общественно-политического журнала Геннадий Алексеев принес рукопись поэмы в 1969 г. Тема произведения целиком и полностью соответствовала концепции издания. Сотрудник редакции, однофамилец поэта В. Алексеев уже на первом заседании редколлегии журнала подчеркнул:

---

¹⁸ Гоппе Герман (1926–1999) – советский поэт и педагог; с 1958 по 1980 г. работал литературным консультантом в газете «Смена».

«...журнал должен систематически печатать материал на военно-патриотическую тему, материал о блокаде, о Великой Отечественной войне...».¹⁹

Иосиф Бродский, подрабатывавший внештатным рецензентом в журн. «Аврора», в отзыве на рукопись стихов Геннадия Алексеева осторожно замечает: «Едва ли в русской поэзии “верлибр” может рассчитывать на большое будущее, но право на существование он имеет наравне со всеми другими формами организации речи. Тем более он имеет это право, когда он обладает такой выразительностью, как у Г. Алексеева».²⁰ Однако о «Жар-птице» поэт высказывается весьма холодно: «Меньший интерес представляет “Жар-птица”, повествующая о любви и смерти в блокадном Ленинграде. Я вообще склонен думать, что 400 строк верлибром дело малоперспективное, даже у такого способного автора».²¹ И в конце отзыва отмечает бесплодность своих рекомендаций, так как «в лучшем случае – эти стихи займут место в отделе Юмора» (в черновике эти едкие строки вычеркнуты. – А. К.), «хотя это и не очень справедливо».²² Бродский допускает неточность: поэма «Жар-птица» более чем на 75 % написана белым стихом (полиметрическим амфибрахией) с внесением в него элементов свободного стиха.

По воспоминаниям автора, поэму уже готовили к публикации в 1971 г., но в самый последний момент неожиданно выбросили из готовящегося номера, «рассыпали набор»,²³ «сказали, что в поэме искажен смысл известных событий, что краски слишком сгущены, что все чрезмерно трагично».²⁴ «Мы ее получше отредактируем. Будет как конфетка – комар носа не подточит», – успокаивала его редактор «Авроры».²⁵ В итоге поэма пролежала в редакции несколько лет и увидела свет только в 1973 г.

В ЦГАЛИ СПб, в архиве «Авроры», сохранилась рукопись, которую автор сдал в редакцию.²⁶ Если сопоставить ее с вариантом, опубликованным позднее в журнале, то можно обнаружить следы серьезного вмешательства в текст поэмы. Оказалось, что поэт принес в журнал полный текст произведения, еще содержащий фрагменты и варианты из первоначальной редакции. После издания поэмы в «Авроре» (1973) автор к ней не возвращался, лишь поправил несколько строк в сцене свидания героини поэмы со смертью (вернул первоначальный вариант): «и белой ладонью / лица моего чуть заметно коснулась» заменено на: «И я потянулась / так сладко, / так сладко, / как в детстве спро-

¹⁹ Из протокола первого заседания редколлегии журнала «Аврора», составленного 9 апр. 1969 года // ЦГАЛИ СПб, р. 213, оп. 1, д. 25, л. 10.

²⁰ Бродский И. А. Рецензия на рукопись Г. Алексеева. Черновик. 16.12.1969, 766 строк. 1 л. (Личный архив М. А. Алексеевой).

²¹ Там же. Л. 1.

²² Там же.

²³ Алексеев Г. Неизвестный Алексеев: Неизданная проза Геннадия Алексеева. 2017. С. 468.

²⁴ Там же. С. 469.

²⁵ Там же.

²⁶ ЦГАЛИ СПб, ф. 213, оп. 2, д. 806, л. 1–9. Там же в архиве сохранились две подготовленные к печати рукописи (машинопись – л. 10–26, гранки с исправлениями и изъятиями – л. 27–32).

сонья...». Посмертно поэма публиковалась один-единственный раз.²⁷ Текст произведения печатался по последней прижизненной публикации поэмы в сборнике «На мосту» (1976), в котором была зафиксирована окончательная воля автора. Однако, зная сложные обстоятельства издания поэмы (в первую очередь по причине цензурных ограничений), вопрос об основном тексте произведения остается открытым.

Ключевые темы «Жар-птицы», как задумал автор, – любовь и смерть. И в конце концов любовь в отчаянной схватке со смертью одерживает над ней победу. Первоначально тема смерти звучала в поэме более мощно. Поэт персонифицирует смерть, представляя в виде некоей физической сущности. Она приходит к героине поэмы в женском облике:

И вдруг появилась
Усталая женщина.

Усталая женщина
С острыми скулами.
Усталая женщина
В ватнике грязном.
Усталая женщина
В стоптанных валенках.

В феврале 1966 г. Алексеев, рассуждая о смерти, замечает в дневнике:

23/II: «В “Жар-птице” у меня... смерть во плоти. Впрочем, там, может быть, и не сама смерть, самой ей было везде не управиться. Она за приличную плату (за буханку хлеба) наняла дворничиху, и та делала то, что положено» (с. 188).

Первая редакция поэмы, сохранившаяся в рукописях, принципиально отличается от второй, напечатанной. Причем вместе с существенными изменениями, внесенными в поэму, трансформировался и ее жанр. Первоначально он был обозначен автором в рукописи, как «фантастическая повесть в стихах».²⁸ Коренная авторская переработка произведения, скорее всего, начатая поэтом в 1965 г. для газеты «Смена», во многом вынужденная, обусловленная цензурой, повлекла за собой смену акцентов: отныне не тема смерти выходит на первый план, как в первой редакции, а доминирующей становится тема любви на фоне трагедии блокадного города. В предисловии к газетной публикации поэмы Герман Гоппе отмечал: «В произведении автора всего два действующих лица: Он и Она, два безымянных ленинградца. Но главная героиня поэмы – Любовь, ее высокая и неистребимая сила».²⁹ Эта смена акцентов фактически изменила первоначальный авторский замысел произведения. Жанр окончательно переработанной поэмы был определен как «сентиментальная поэма».

После окончательной переделки в общей сложности объем поэмы сократился в два раза. Безусловно, столь значительная переработка произведения была прежде всего связана с цензурными ограничениями. Тема блокады, ее

²⁷ Алексеев Г. Избранные стихотворения. СПб., 2006.

²⁸ РО ИРЛИ, ф. 868, оп. 1, № 1, л. 1.

²⁹ Алексеев Г. Жар-птица. Отрывки из поэмы (предисл. Г. Гоппе) // Смена. 1965. № 268 (12 500). С. 3.

ужасов была в СССР запретной. Так, в 1952 г. был закрыт Музей обороны Ленинграда (возрожден только в 1989 г.). Как отмечает Арман Блюм, сотрудников музея обвиняли в том, что они занимаются пропагандой экспонатов (фотографий), «натуралистически» демонстрирующих ужасы блокадной зимы 1941/42 г.³⁰ Из библиотек начинают изымать книги о блокаде, правдиво и беспощадно изображающие трагедию блокадного Ленинграда (О. Берггольц «Говорит Ленинград», И. Кратт «Суровый берег», Е. Полонская «На своих плечах», А. Чаковский «Это было в Ленинграде», повесть В. Азарова и А. Зиначева «Живые, пойте о нас!» и др.).

А. Блюм приводит показательную цитату из протокола заседания бюро Ленинградского горкома ВКП(б) от 17 февр. 1950 г. о поэме О. Берггольц «Февральский дневник», вошедшей в изыятый сборник «900 дней»: «... в поэме Берггольц преобладает чувство обреченности, пессимизма, содержатся элементы так называемой кладбищенской поэзии».³¹ И даже гораздо позднее, уже в конце 1970-х гг., «Блокадную книгу» Д. Гранина и А. Адамовича не согласился печатать ни один ленинградский журнал. С цензурными купюрами книга увидела свет в Москве в 1979 и в 1982 гг. Главлит настоял на изыятии самых безжалостных эпизодов. «Страдания, голод, повальная смерть ленинградцев – это не вписывалось в предписанный сверху парадно-фанфарный героизм, которым должна быть овевяна литература о войне», – пишет Блюм.³²

Совершенно очевидно, что первая редакция поэмы «Жар-птица», натуралистически изображающая торжество смерти и голода в страшные блокадные дни, не могла быть напечатана ни в 1960-х, ни в 1970-х гг. Из первоначальной редакции автором был полностью изыят Пролог (он уже отсутствует в газетной публикации в «Смене»), самая страшная часть поэмы, в которой описывается Пискаревское кладбище:³³

Я был на кладбище.
Кладбище ли
Было это?
Холмы были
Зелёные,
Камни были белые,
Маленькие камни.
Цифры были выбиты
На белых камнях.
Дорожки были чистые,
Песчаные дорожки.
Букетики лежали,
Увявшие букетики.
И солнышко светило.
И воробьи чирикали.
<...>

³⁰ Блюм А. Блокадная тема в блокадной цензуре // Нева. 2014. № 1. С. 238–245.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 245.

³³ РО ИРЛИ, ф. 868, оп.1, № 2.

После посещения кладбища поэт видит поистине страшный сон, от которого кровь стынет в жилах: умершие в блокаду ленинградцы в День Победы встают из могил. Во сне он становится свидетелем жуткого зрелища – стихийного шествия мертвых на антивоенный митинг:

Рядами,
Неторопливо,
Густо
Шли скелеты,
Размахивая длинными руками,
Мерцая лбами
Жёлтых черепов.
Болтались,
Шевелились ключья тряпок,
Остатки простынь,
Ватников и платьев,
Остатки одеял и скатертей.
И детские скелетики несли
Полуистлевших
Плюшевых медведей
И пупсов
Из пластмассы почерневшей.

В толпе скелетов поэт встречает героиню поэмы, которая обращается к нему с просьбой рассказать ее трагическую историю любви:

В глаза мне
Небольшой изящный череп
Глядел
Пустыми ямами глазниц.
Глядел просительно
– Простите!
Я не думала...
Не знала...
Вы не пугайтесь,
Всё давно истлело,
И я не пахну.
Времени так мало,
Я тороплюсь.
Мы все идём на митинг
Антивоенный.
Вы поэт,
Я знаю, и я должна,
Должна вам рассказать.
Прошу Вас,
Напишите,
Напишите.

Во второй редакции автор, изъязв Пролог, вынужден был переработать вступление. Поэт встречает на набережной Невы не скелет, восставший из брат-

ской могилы, а девушку, «такую худенькую, такую тоненькую-тоненькую». И происходит это уже не во сне, как первоначально, а наяву:

Я встретил её совершенно случайно –
однажды ночью
на набережной.

Она была такая худенькая,
такая тоненькая-тоненькая –
одни косточки.

Она сказала:
– Вы меня простите,
но я должна,
должна вам рассказать!

Мне было двадцать,
двадцать и сейчас –
я почему-то вовсе не старею...³⁴

Общая часть в двух редакциях отчетливо обозначается лишь со строк «Все родилось из гранитных ступеней...». Далее из текста методично изымалось описание ужасов блокадного города. Так, ни в «Смене», ни в «Авроре» не был напечатан фрагмент поэмы «Было царство Кашея...», посвященный теме голода:

Был голод.
Пришёл он
Откуда-то сзади,
Из белой и злой
Ледниковой эпохи,
Из центра Сахары,
Из Антарктиды,
Готовый на всё,
Деловитый и ловкий.
Он славно и честно
Тогда поработал.
Он был безупречен,
Он знал
Своё дело.
Да, да,
И был он в ударе
И был он в ударе
На редкость!
<...>

В результате переработки в тексте откровенно нивелируется драматизм: вместо «Терявших рассудок, / Растерзанных женщин» – «махавших платками / заплаканных женщин», вместо «На руки взял он / Мой твердый, / Холодный, / Негнувшийся труп» – «На руки взял он / Мое полудетское легкое тело», вме-

³⁴ Алексеев Г. На мосту. Стихи и поэма. Л.: Сов. писатель, 1976. С. 70.

сто «А он все кричал / Все ругался / И плакал, / Все рвался за мной, / Но его оттолкнули» – «Он рвался за мной, / но его не пустили», вместо «Подошли к нам / Какие-то люди / И взяли меня, / И закинули в кузов» – «Подошли к нам / Какие-то люди / И взяли меня, / и в кузов трехтонки меня положили».

Помимо явного стремления изъять из поэмы все сцены и детали, которые препятствовали опубликованию произведения, при сопоставлении разных редакций обнаруживаются явные следы литературной правки. Поэт отсекает длинноты, отгачивает слог, шлифует шероховатости текста: вместо «Из беготни и ужимок мальчишек» – «из беготни и кривлянья мальчишек», вместо «из запаха дров / И из вкуса черешни» – «из пресной на вкус / незрелой черешни», вместо «Висело огромное / Красное солнце» – «висело багровое низкое солнце».

Концептуально изменена и концовка поэмы. Первая редакция потрясает своей натуралистичностью, героиня поэмы прощается с поэтом и тает «в бесконечном потоке скелетов». Композиция поэмы таким образом замыкается. Концовка второй редакции так же отсылает нас к началу поэмы, когда поэт встречает на набережной Невы девушку – Жар-птицу – «такую тоненькую-тоненькую, ужасно, невыносимо худенькую».

Первая редакция (1961)

Я Вас задержала.

Простите.

Прощайте!

Скелет отступил,

Повернулся

И тотчас

Исчез

В бесконечном потоке скелетов.

И тут

Я проснулся.

Вторая редакция (1965–1973)

И простите –

я вас задержала.

Простите.

Прощайте!

И она ушла от меня

по набережной.

Такая тоненькая-тоненькая,

ужасно,

невыносимо худенькая,

самая худенькая Жар-птица

из всех,

которые мне встречались.

Закономерно, что либретто поэмы, написанное Г. Алексеевым для театральной постановки,³⁵ в большей степени зиждилось на тексте второй редакции. Однако оно содержало и рифмованные стихи о войне, существенно перекликающиеся с первоначальным вариантом поэмы. Роль пролога из первой редакции играло пронзительное стихотворение «Мертвые», написанное Ю. Вороновым (в либретто цитируется вариант стихотворения без последней строфы). В нем погибшие блокадники 9 Мая встают из могил и шествуют к Неве, где на набережной и состоялась встреча поэта с героиней его произведения.³⁶

Мне кажется,

Когда гремит салют,

Погибшие блокадники встают.

³⁵ В 1975 г. в Ленинградском театре музыкальной комедии режиссером Владимиром Воробьевым была поставлена Ленинградская поэтория в двух частях (часть первая «Ладожский лед», часть вторая – «Жар-птица»), музыку к которой написал композитор Александр Колкер.

³⁶ Либретто (машинопись) предоставлено литературно-драматическим отделом Санкт-Петербургского государственного театра музыкальной комедии.

Они к Неве
По улицам идут,
Как все живые,
Только не поют.

* * *

Геннадий Алексеев скоропостижно скончался в 1987 г. Поэта похоронили на Большеохтинском кладбище, как и его героиню поэмы «Жар-птица». В последние годы жизни его очень огорчало невнимание к нему критики. Как вспоминал его друг, издатель А. Житинский, он считал себя безвестным и недооцененным поэтом. Алексеев еще в 1969 г. писал в дневнике: «Страх смерти уже перестал быть моим главным страхом, больше всего я боюсь теперь, что все сделанное мною погибнет...» (с. 281).

Наследие поэта обширно и многопланово. В его творчестве сегодня открываются новые грани. С 2015 г. по настоящее время в издательстве «Геликон» выходит собрание неизданных сочинений – «Неизвестный Алексеев», содержащее его стихи, прозу и дневники. Долгие годы ждала опубликования и первая редакция поэмы «Жар-птица». При подготовке настоящей публикации была проведена масштабная текстологическая работа: изучены все черновые материалы от набросков до рукописей, в которых представлен полный текст первой редакции (рукопись и авторская машинопись), воссоздана история создания поэмы, выявлены все варианты текста, прослежена история публикации произведения.

Первая редакция поэмы публикуется по авторской машинописи с учетом всех поправок, внесенных автором. Зачеркнутое в машинописи в ряде случаев воспроизводится в самом тексте в квадратных скобках; если автором предложена замена, первоначальные варианты приводятся в подстрочных примечаниях. Кроме того, в примечаниях, где это необходимо, оговариваются характер правки и средства записи, а также даются окончательные варианты текста (по последней прижизненной публикации в сборнике «На мосту»). Явные пунктуационные и орфографические ошибки, опечатки исправлялись без пояснений публикатора. Важные особенности авторской орфографии и пунктуации сохранялись. Архитектоника текста воспроизводилась аутентично авторской машинописи.

Поэма «ЖАР-ПТИЦА». Первая редакция

ПРОЛОГ

Я был на кладбище.
[Я был на кладбище?]
Кладбище ли
Было это?

Холмы были
Зелёные,
Низкие холмы.
Камни были белые,
Маленькие камни.
Цифры были выбиты
На белых камнях.
Дорожки были чистые,
Песчаные дорожки.
Букетики лежали,
Увявшие букетики.
И солнышко светило.
И воробьи чирикали.

Братские могилы.

Братья ли
Лежат здесь?
Сёстры ли
Лежат здесь?

Братья ли дети
Своим родителям?
Сёстры ли старухи
Пятилетним девочкам?

[Братья
По голоду.
Братья
По холоду.
Сёстры
По ужасу.
Сёстры
По гибели].

Как тихо!
Как тихо!

Почему никто не плачет,
Почему никто не бьётся
День и ночь
Над этой травкой,
Над невинной этой травкой
Над весёлой этой травкой?

В травку
Плоть их превратилась.
В травку –
Мускулы мужчин,
В травку –
Груды, плечи женщин,
В травку –
Щёки ребятишек.

Я увидел – ¹
Сторож косит,
Сторож косит эту травку!
Сторож!
Вы же сумасшедший!
Сторож!
Им же очень больно!
Сторож,
Сторож, поглядите,
Вся коса у Вас
В крови!
Сторож,
Сторож, не давайте
Это сено своим козам.
Молоко у них
Прогоркнет,
Станет чёрным
Молоко!..

Я был на кладбище.
Кладбище ли
Было это?²

И мне приснилось.

Ночью
Из глубин,
Из безмятежности пустынных улиц
Движенье появилось

В виде звуков.
Как будто шлёпанье
Босых, усталых ног.
Как будто шёпот
Людей простуженных
И потерявших голос.
И шорох,
Непрерывно нараставший
И заполнявший
Медленно и плотно
Все щели,
Все пустоты тишины.
[И выливавшийся наружу,
Через край
Её владений.
Как будто говор
Какой-то сдавленный
И приглушённый]

Тревожно было.
Было необычно.
Под ложечкой сосало от каких-то
Расплывчатых,
Уродливых предчувствий.

Я выбежал на улицу.

Рядами,
Неторопливо,
Густо
Шли скелеты,
Размахивая длинными руками,
Мерцая лбами
Жёлтых черепов.
Болтались,
Шевелились ключья тряпок,
Остатки простынь,
Ватников и платьев,
Остатки одеял и скатертей.
И детские скелетики несли
Полуистлевших,
Плюшевых медведей
И пупсов
Из пластмассы почерневшей.

И был порядок
Полный, безупречный.
Была торжественность,
Достоинство сквозило
В движениях ключиц,
В изгибах рёбер
И в колебаниях бедренных костей.
Мелькали надписи
На маленьких фанерках:
«Смоленское,
Траншея № 5»
«Траншея № 20,
Пискаревка».
Скелеты шли
Сплошной³ шуршащей [серой] массой.
Их были сотни,
Сотни тысяч.
С окраин к центру
Твёрдо,
Неуклонно,
С окраин к центру
С каждого из кладбищ,
[С окраин к центру,
Улицы наполнив
Пришлёпываньем,
Шорохом и скрипом]
Текли потоки,
Серые потоки
Скелетов.⁴

Вдруг один
Шагнул ко мне
И тронул мой рукав
Костями узкой
Полудетской кисти.

Я отскочил,
Я заслонился локтем,
Я крикнул что-то,
Я не мог бежать.
[Не гнулись ноги.
Били в барабан
Под ухом у меня:
Я догадался –
То было сердце,

То стучала кровь
В висках
Так необычно громко].

В глаза мне
Небольшой, изящный череп
Глядел
Пустыми ямами глазниц.
Глядел просительно
И виновато:
– Простите!
Я не думала...
Не знала...
Вы не пугайтесь,
Всё давно истлело,
И я не пахну.
Времени так мало,
Я тороплюсь.
Мы все идём на митинг
Антивоенный.
Вы поэт,
Я знаю,
И я должна,
Должна вам рассказать.
Прошу Вас,
Напишите,
Напишите...
[О нашей краткой
Редкостной любви!]⁵

Мне было двадцать.⁶
Я была блондинкой,
Вот тут остался
Маленький клочок
Волос,
Он правда грязный очень,
В земле лежал он.
Я была красива –
Все говорили.
Были у меня
Красивые и чувственные ноздри
И кисти рук
Изящны были
Очень.
А впрочем,
Всё это не важно.

Важно то,
Что с нами приключилось.
Очень важно.

Ведь мы
Могли не встретиться,
Конечно.
Опасно было.
Был огромный риск.
Ведь мы
Могли не встретиться!
Представьте!
Тогда бы
Струпьями покрылись
Все цветы,
Тогда бы⁷ [и] плесень
Затянула мостовые.
[Тогда бы вылиняла
Шпилей позолота]
И всё пошло бы прахом,
Прахом,
Прахом!
Мы не могли
Не встретиться.
Наверно
Всё было где-то
Решено заранее
И дата установлена была.
Иначе было б
Очень,
Очень страшно.

[Всё родилось
Из узоров решёток,
Из матовой бледности
Мраморных ваз,
Из дрожи мостов,
И из лепета листьев,
Из глубины
Гранитных колонн и ступеней]

Всё родилось
Из гранитных ступеней,
Из терпеливости рыболовов,
Из поплавок

И качания лодок,
Из беготни и ужимок мальчишек,⁸
Из ряби булыжника,
Из разноцветных
Трамвайных огней,
[Из гудков электричек,
Из гомона галок,
Из плача детей,
Из запаха булок,
Из запаха тины,
Из пряного вкуса
Июньского ветра].
Из газетных киосков,
Из запаха дров
И из вкуса черешни.⁹

Мы счастливы были
Взахлёб,
Несуразно,
Отчаянно,
Глупо
И бессердечно,
Как дети
В плескательном
Тёплом бассейне,
Как звери в глуши,
На безлюдьи,
В чащобах,
Как в яхте яхтсмены,
Как в клумбе шмели.¹⁰
Был город
Нам отдан.
Двоим
Целый город!
Он был нам игрушкой,
Забавой
И домом.
Убежищем тихим
И каруселью.
Он был
Тридцатым таинственным царством.
В нём жили драконы,
Кашей
И царевны.¹¹
И был там царевич.

И рук не жалея,
Спеша,
Обжигаясь,
Ловил он Жар-птицу.
А я убегала,
Взлетала,
Металась
И снова садилась,
И снова взлетала,
Манила его
И дразнила,
Дразнила.
И он целовал меня,
Он меня трогал,
И гладил он
Перья мои
Золотые,¹²
И очень любил,
Когда¹³ я щекотала
Ресницами
Щёку ему.

Хохотали
Мы часто и долго
До слёз
И до колик.¹⁴
И было ужасно
Весёлое солнце,¹⁵
И дождики были
На редкость смешливы,
И тучи тряслись
И давились от смеха.
И прыскал в кулак
То и дело закат.¹⁶

Был город
Сбит с толку
И взбаламучен.
Растеряны были
Каналы и пирсы.
И были все скверы
В недоуменьи.
И страшно разнервничались
Фонари.
Мы всем насолили изрядно,

Изрядно.
От зависти лопались
Кариатиды.
И даже атланты
Теряли терпенье,
И хмурились
Важные¹⁷ Аполлоны.
Но в Летнем саду
Улыбались Венеры,
И толпы Амуров
Ходили за нами,
Как свита.
От них
Было трудно удрать.¹⁸

Потом,
Вы же знаете,
Было то утро,
Был полдень тот самый
И вечер, конечно.¹⁹
И я провожала его
На вокзале.
И я провожала его.
В полумраке
Лицо его было
Смертельно спокойно.²⁰
Лицо его было спокойно,
Как лес
При полном безветрии
Осенью поздней,
Как школьные классы
Ночную порой.
В лице его было
Сплетенье каких-то
Железных конструкций
Напрягшихся страшно.
Лицо его было похоже
На мост,
На тень
От огромного дома
Без окон.²¹

[И все было так,
Как обычно бывает
В обычных теперешних кинофильмах:

И плач,
И частушки,
И всхлипы гармонии,
И лживая бодрость
Литавров и труб].²²

Потом
Был, конечно,
Тот самый гудок
Последний,
Последний.
И я побежала,
Конечно,
За красным товарным вагоном,
Толкаясь,
Пихаясь локтями,
Спеша,
В толпе среди прочих²³
Бегущих,
Кричащих.
Терявших рассудок,
Растерзанных женщин.²⁴

Потом
Были письма.
Я помню отрывки.²⁵

«Жар-птица моя,
Моя нежная²⁶ птица!
Мой жребий несслыханный,
Огненный жребий!²⁷
Нигде не читал я,
Не смел я подумать,²⁸
Не снилось,
Не мнилось,
Что может быть в мире
Такое сиянье,
Что может быть в мире
Такой златопёрый,
Такой ослепительно-ласковый
Свет!..²⁹

Не бойся, –
Писал он, –
Не бойся,

Не бойся!
Никто не сумеет,³⁰
Никто не решится,
Никто не осмелится
Это разрушить.
Такое бывает
Лишь раз
На столетье,
Такое нельзя,
Невозможно взорвать,
И сжечь невозможно
Такое
Я знаю...³¹

Жар-птица моя!
Мой единственный жребий
Светящийся!
Губы свои
Обжигая,
Целую, спеша,
Твои жаркие крылья.³²
Целую...»³³

Потом...
Вы же знаете,
Знаете,
Знаете,
Что
Было потом!
Было царство Кашея!

Был голод.

Пришёл он
Откуда-то сзади,
Из белой и злой
Ледниковой эпохи,
[Из древнеегипетских подземелий]
Из центра Сахары,
Из Антарктиды,
[Из вымерших
тихих
индийских селений]
Готовый на всё,
Деловитый и ловкий.

Он славно и честно
Тогда поработал.
Он был безупречен,
Он знал
Своё дело.
Да, да,
И был он в ударе
На редкость!
На редкость!³⁴
Он на славу тогда
Потрудился.
Один,
Без помощников
[Не уставая,
Легко,
Мастерски,
Виртуозно,
Блестяще]
Он управлял
С каким мастерством.
Виртуозно.
Блестяще.
Душил он детей
И хорошеньких женщин,
В иссохшие мумии
Их превращая!³⁵
С каким наслаждением,
Покончив с живыми,³⁶
Он трупы раскладывал
В ровные кучи,
Считал их,
Считал,
Перекладывал снова,
Возился над ними,
Как филателист
Над марками возится
Цельми днями,
В альбом их вклеивая
Любовно!³⁷
[Альбомы те
Кладбищами назывались,
Траншеями были
Альбомов страницы].
И были те марки
Единственной серии,

Но все были разные,
Разные...³⁸

В гигантской³⁹ пустыне
В квартирных потёмках⁴⁰
Лежала я тихо,
И тихо стучали
Часы надо мною.
Стучали
И ждали.
И ласково
Жизнь от меня уходила.
И я не просила её
Оглянуться,
И я не просила её
Задержаться,
И я не просила её
Ни о чём,
За тёплые руки
Её не хватала.
Я тихо лежала
Одна.
Он не видел,
Не знал
И не чувствовал,
Не торопился,
Он был далеко,
Далеко,
Далеко!⁴¹
И рядом со мною
Стояла на стуле
Его фотография
В жёлтенькой рамке,
И⁴² он улыбался на ней,
Улыбался
Улыбкой счастливица
Улыбкой ребёнка.⁴³

И ласково
Жизнь от меня
Уходила.⁴⁴
Я тихо лежала,
Глядела ей в спину,
В широкую,
Крепкую
Женскую спину.

И было мне странно
Мучительно странно –
Зачем,
Для чего они
Женского рода,
И жизнь,
И она,
Та,
Что жизни на смену
Приходит
С унылым своим
Постоянством.

А мир колебался,
А мир расплывался,
А мир растворялся
В каких-то пустотах,
[Как в жидкости
чёрной]
Качая боками,
Крутясь и ныряя,
Крутясь и ныряя,⁴⁵
Как бочка пустая
В бетонном бассейне,
Наполненном нефтью...
Холодной и чёрной,
Холодной и чёрной.⁴⁶

И вдруг появилась
Усталая женщина.

Усталая женщина
С острыми скулами.
Усталая женщина
В ватнике грязном.
Усталая женщина
В стоптанных валенках.

Она мне сказала:
– Пора!
Торопитесь!
Мне некогда.
Нынче
Так много работы,
Так много,
Так много.⁴⁷

И я удивилась:
– А где же
Ваш саван?
А где же
Коса?
Ведь вы же
Не смерть.
Я не верю.
Не верю.
Ведь вы управдом
Или дворник.
Не верю!⁴⁸
Она улыбнулась
Одними губами.
[Улыбка была
Необычно печальна].
Улыбка была
Неестественно чуждой
Всему,
Что я видела раньше
И знала.
Она улыбнулась:
– Ну что Вы!
Ну что Вы!
Всё это –
Убогие пошлости мистиков,⁴⁹
Всё – выдумки,
Сказки
Для малых детей.
Пора!
Вы готовы?
И белой ладонью
Лица моего
Чуть заметно коснулась.⁵⁰
И я потянулась
Так сладко,
Так сладко,
Как в детстве
Спросонья,
Как в детстве,
Как в детстве!..⁵¹

В гигантской пустыне
В квартирных потёмках
Лежала я тихо

И остывала.
И тихо стучали
Часы надо мною.⁵²
И время живое
Всё шло,
Торопилось
Куда-то туда,
В заквартирные бездны,
В какие-то сытые,
Райские страны.
И время
Меня обтекало
Как камень
Ручей обтекает,
Как отмель
Река.⁵³
Лежала я тихо
И долго,
Неделю,
А может быть,
Месяц, –
Не знаю,
Не помню.⁵⁴
Часы уже встали.
Но рядом со мною
Стояла на стуле,
Всё так же стояла
Его фотография
В жёлтенькой рамке.
И он улыбался на ней,
Улыбался
Улыбкой счастливица,
Улыбкой ребёнка!⁵⁵

Потом
Он пришёл.
Я не знаю, откуда.
Приехал,
Примчался
На час,
На минуту,
Не зная,
Не веря,

В неведеньи тяжком.
Ходил по квартире
Вслепую,
На ощупь,
На мебель
На каждом шагу натываясь,
Ко мне приближаясь
Всё ближе,
Всё ближе...⁵⁶

В гигантской пустыне⁵⁷
В дремучих потёмках
Зажглась зажигалка,
И пламя её
В моих побелевших зрачках
Заплясало
И жирно
Углём
Очертило мгновенно
На бледных обоях
Мой высохший профиль.⁵⁸

Лицо его было
Смертельно спокойно.
Лицо его было
Спокойно, как снег
В степи при безветрии
И как вода
В лесном, заболоченном,
Гибнущем озере.
В лице его было
Сплетенье каких-то
Железных конструкций,
Изорванных в клочья.
Лицо его было,
Как взорванный мост,
Как тень от остатков
Сожжённого дома.

Потом
Он схватил меня
Жадно и грубо,
Потом
Он схватил
Мои острые плечи

И тряс меня,
Тряс меня,
Тряс меня долго.
И жадно
Сухими своими губами
К холодному рту моему
Прижимался.

А я всё молчала,
Молчала,
Молчала.
И только,
Как прежде,
Ресницы мои
Небритую щеку его
Щекотали.⁵⁹

Он взял меня
На руки.
На руки взял он
Мой твердый,
Холодный,
Негнувшийся труп⁶⁰
И вышел из дому.

В морозном тумане
Висело огромное
Красное солнце.⁶¹
Зима была в мире.
Зима была белой,
[Безбрежной и лютой].
Зима была плоской
И шарообразной.
Была пирамидой она
В то же время
Прозрачно зелёной
Из чистого льда.

[Она развлекалась,
Она хохотала
Скрипучим,
Морозным
Искусственным смехом.
Она была сытой,
Весёлой и гладкой.
Она хохотала].

В сугробах по пояс
Стоял неподвижно
[Стоял обреченно]
До сердца промёрзший
И вымерший город.
Огромное солнце
Висело в тумане,
Кровавое солнце,
Как там,
На Плутоне.⁶²

Дома прижимались
Друг к другу
Боками,
Дома замерзали
Не падая,
Стоя.
И улицы
Прямо и плоско лежали
Рядами
В просторной⁶³ покойницкой
Стужи, –
Лишь кожа да кости,
Лишь кожа да кости.⁶⁴

Он нёс меня
Бережно,
Нёс меня
Нежно,
Он нёс меня
Тщательно,
Твёрдо ступая,
Как будто была я
Редчайшей находкой,
Единственным в мире
Бесценным сосудом,
Остатком мифической
Древней культуры,
И он, археолог,
Счастливчик,
Удачник
Нашёл,
Раскопал,
Распознал это чудо.

Он нёс меня,
Нёс меня,
Нёс меня долго
По улице ровной,⁶⁵
Прямой безупречно,
По чистому
Белому-белому снегу,⁶⁶
[По сочно скрипящему
Свежему снегу]
Скрипящему снегу,⁶⁷
Поощему снегу.⁶⁸
[Невинному снегу].

Он нёс меня долго
И там,
В перспективе,
И там,
Где лучи её
Сходятся в точку
Висело огромное,
Красное солнце.⁶⁹

Он нёс меня
С дальней орбиты Плутона.⁷⁰
Он нёс меня
К солнцу.
Но он утомился
И сел на ступенях
Какого-то дома.
И я
На коленях его
Не сгибаясь⁷¹
Лежала,
И он говорил,
Говорил мне,
Сбиваясь
Какие-то странные вещи.
[Дикие вещи].⁷²

– Послушай, –
Сказал он,
– Послушай, Жар-птица,
Несчастье моё,
Моя бедная птица,

Потухшая,
Тусклая,
Серая птица!
Тебя отнесу я
К горячему солнцу,
Оно обогреет тебя,
Отогреет,
Оно возвратит тебе
Жар и сиянье,
Оно возвратит тебя
В прежнюю сказку.⁷³

– Послушай, –
Сказал он,⁷⁴
– Послушай, ты очень,
Ты очень обяжешь меня,
Если скажешь,
Какая дорога
Короче и лучше
И где астероидов меньше
И всяких
Бродячих и каверзных
Метеоритов,^{–75}
Бог знает ведь,
Что у них там
На уме.

– Послушай,
Ведь ты же,
Я знаю,
Я знаю,
Всегда астрономией увлекалась,
Тебе ведь известны,
Конечно,
Все тропки,
Все мостики,
Спуски
И повороты.
Послушай,
Ведь надо же нам
Торопиться.
Ещё полчаса
И уже будет поздно.
И солнце тогда

Ни за что не возьмётся.
Оно ведь капризно,
Как малый ребёнок, –
Упрётся –
И кончено.
Слушай,
Я знаю,
Тебе очень холодно,
Очень неловко,
Тебе очень трудно,
Но как же
Иначе!⁷⁶

Припас я
Две банки
Прекрасных консервов.
Одну
Нам придётся отдать
За услугу –
Ведь солнцу, небось,
Тоже нынче
Не сытно.
Вторую
Мы вместе с тобой
Опростаем.⁷⁷
Устроим роскошный,
Немыслимый ужин
На Марсе, быть может,
Иль нет,
На Сатурне.
Там, судя по слухам,
Чертовски красиво...⁷⁸

Да,
Странные вещи
Тогда говорил он.

Потом
Подошли к нам
Какие-то люди
И взяли меня,
И закинули в кузов
Трёхтонки.⁷⁹
И там было тесно
Ужасно

И многие трупы
Там голые были.⁸⁰

А он всё кричал,
Всё ругался
И плакал,
Всё рвался за мной,⁸¹
Но его оттолкнули.⁸²
Машина поехала,
Следом⁸³ бежал он,
Бежал спотыкаясь,
И голос его,
И голос его
Отставал постепенно:
– Жар-птица!
Жар-птица!

– Жар-птица!

– Жар-птица!

[И больше уже никогда,
Никогда
Его не видала].

Зарыли меня
На Охтинском,
Третья траншея от входа,
В двух метрах
От крайней восточной дорожки.

Его повстречаете Вы,
Может статья.
Скажите мой адрес ему⁸⁴
И скажите –
Я жду,
Пусть приходит,
Я жду.

И простите,
Я Вас задержала.
Простите.

Прощайте!

Скелет отступил,
Повернулся
И тотчас
Исчез
В бесконечном потоке скелетов.
И тут
Я проснулся.⁸⁵

Октябрь <19>61

---

¹ Первоначально: «Поглядите».

² Первоначально вместо этих трех строк:

Как их много
Здесь,
Под травкой.
Как их много,
Как им тесно!

В тесноте,
Да не в обиде.
Все равны,
Все безымянные.
Справедливость безупречна
Им на веки подарила
Смерть
И равенство и братство.
А свобода
Лишь химера,
Баловство,
Мираж,
Условность.
И к тому же не владеет
Ею смерть
И не владела.

Плотно,
Рядышком,
Слоями
Здесь лежат они
Тихонько
И друг другу
Не мешают,
Соблюдая дисциплину,
Руки вытянув
По швам.
Ну а если,
Кто-то крикнет?
Ну а если
Их разбудят?..

³ Слово вписано карандашом.

⁴ В окончательном тексте полностью отсутствует Пролог, а также переработано вступление. Поэма начинается со строк:

Я встретил её совершенно случайно –
однажды ночью
на набережной.
Она была такая худенькая,
такая тоненькая-тоненькая –
одни косточки.

⁵ Вычеркнуто карандашом, и на полях поставлен вопросительный знак.

⁶ Окончательный вариант:

Она сказала: вы меня простите,
но я должна,
должна вам рассказать!
Мне было двадцать. Двадцать
и сейчас.
Я почему-то больше не старею.

Следующие 42 стиха в основном тексте отсутствуют вплоть до строфы «Все родилось из гранитных ступеней...».

⁷ «Тогда бы» вписано карандашом.

⁸ Окончательный вариант: «из беготни и кривлянья мальчишек».

В машинописи первоначально после фрагмента «Все родилось / Из гранитных ступеней...»:

Оно родилось
И взметнулось фонтаном.
«Самсон» петергофский
Казался лишь струйкой
Ничтожной и хилой.
Весь город был в крупных
Светящихся каплях,
Совсем как мальчишка,
Попавший в струю
Поливальной машины.

⁹ Окончательный вариант:

из пресной на вкус
недозрелой черешни.

¹⁰ Фрагмент «Мы счастливы были...» (14 строк) полностью изъят из основного текста.

¹¹ Окончательный вариант вместо «В нём жили драконы...»:

В нём сфинксы водились
и дикие кони,
в нём жили незлые
крылатые львы.

¹² Строки изъятые из основного текста:

И гладил он
Перья мои
Золотые,

¹³ В окончательном варианте: «Если».

¹⁴ Строки изъятые из основного текста:

Хотали
Мы часто и долго
До слёз
И до колёк.

¹⁵ Окончательный вариант:

И подолгу
стояло в зените
весёлое солнце,

¹⁶ Окончательный вариант:

и густо краснел хохотающий закат.

В машинописи первоначально:

И ржал, не стесняясь,
Нахальный закат.

¹⁷ Первоначально: «Бронзовые».

¹⁸ В окончательном тексте фрагмент «Был город / Сбит с толку...» сокращен, вместо «И были в недоуменьи / И странно разнервничались / Фонари» – «и были все скверы в недоуменьи»:

Был город сбит с толку
и взбаламучен.
Растеряны были
каналы и пирсы,
от зависти лопались кариатиды,
и были все скверы в недоуменье,
и даже атланты теряли терпенье,
и хмурились важные аполлоны,
но в Летнем саду улыбалась Венера,
и толпы амуров ходили за нами,
как свита...

¹⁹ Окончательный вариант:

Потом наступил этот день.
И следом за ним
Наступил этот вечер.

²⁰ В окончательном тексте отсутствует «На вокзале...», следующий стих изменен, вместо «И я провожала его. / В полумраке / Лицо его было / Смертельно спокойно»:

В полумраке
лицо его было
бело и спокойно.

²¹ Строки изъятые из окончательного текста:

Лицо его было похоже
На мост,
На тень
От огромного дома
Без окон.

²² На полях машинописи к этим строкам стоит вопросительный знак.

²³ Первоначально: «из таких же».

²⁴ Фрагмент «Потом / Был, конечно, / Тот самый гудок...» в окончательном тексте существенно переработан:

Раздался
тот самый последний гудок.
И я побежала потом
за вагоном
в толпе среди прочих
бежавших,
кричавших,
махавших платками
заплаканных женщин.

²⁵ Строка отсутствует в окончательном тексте.

²⁶ В машинописи на полях дан вариант «дивная».

²⁷ Первоначально: «Жаркий мой».

²⁸ Строка вписана карандашом.

²⁹ На полях машинописи дан вариант:

Что мне попадется
Такая добыча!
Такое редчайшее в мире арены
такое сиянье.

Окончательный вариант фрагмента «Жар-птица моя...»:

– Жар-птица моя,
я не смел и подумать,
что мне попадется такая добыча...
Не бойся, глупышка!
Никто не решится,
никто не сумеет такое разрушить.
Ведь сказки живучи,
ведь сказки бессмертны,
ведь их невозможно взорвать или сжечь,
ведь их расстрелять у стены
невозможно...
Жар-птица моя,
мой единственный жребий
светящийся!
Губы свои обжигая,
целую, спеша,
твои жаркие перья!
Целую!

А город
был строг и печален.
А город был грозен.
Рычали крылатые львы над каналом,
и ржали над крышами
медные кони
тревожно,
и сфинксов бесстрастные лица
мрачнели от копоти ближних пожаров.
Но крепко держали карнизы атланты,
а в Летнем саду улыбалась Венера,
и стук метронома ее не пугал.

³⁰ Первоначально: «посмеет».

³¹ В машинописи на полях дан вариант:

Такое разрушить.
Ведь сказки живучи,
Ведь сказки бессмертны.
Ведь их невозможно,
Конечно, взорвать
И сжечь невозможно.
Не бойся, глупышка!

- ³² Первоначально: «перья».
- ³³ Фрагменты «Не бойся...» и «Жар-птица моя...» отсутствуют в окончательном тексте.
- ³⁴ Вставка (3 строки) на полях машинописи («И был он в ударе...!»).
- ³⁵ Вставка на полях машинописи («Один без помощников...»).
- ³⁶ Первоначально: «с работой».
- ³⁷ На полях машинописи зачеркнутый вариант:
Он делал и делал
Живых мертвецами,
Добротными,
Высохшими мертвецами.

Да,
Был он в ударе!
На редкость!
На редкость!
- ³⁸ Фрагмент, начинающийся со строк «Было царство Кашея...», изъят из основного текста.
- ³⁹ Первоначально: «огромной».
- ⁴⁰ В окончательном тексте:
В квартирной пустыне,
В кромешных потёмках
- ⁴¹ Окончательный вариант кардинально переработан:
И медленно жизнь от меня уходила.

И я попросила её оглянуться,
и я попросила её задержаться,
и я попросила её не спешить,
но слабый мой шёпот она не слыхала,
она уходила,
а он и не видел
он был далеко,
далеко,
далеко.
- ⁴² Первоначально: «но».
- ⁴³ В окончательном варианте отсечены две последние строки «Улыбкой счастливица / Улыбкой ребёнка».
- ⁴⁴ В окончательном тексте вариант: «Как ласково жизнь от меня уходила!».
- ⁴⁵ Строка вписана от руки.
- ⁴⁶ Повторяющаяся строка изъята из окончательного текста. Вместо «чёрной» первоначально «липкой».
- ⁴⁷ Строки «Так много, / Так много» исключены из основного текста.
- ⁴⁸ В окончательном тексте этот фрагмент значительно сокращен и переработан:
И я удивилась:
«А где же ваш саван?
А где же коса?
Ведь должна быть коса!»
- ⁴⁹ Строки «Всё это...» в основном тексте заменены на другие:
Подумайте сами –
зачем мне коса?
- ⁵⁰ Строки изъятые из основного текста:
И белой ладонью
Лица моего
Чуть заметно коснулась.

⁵¹ Повторяющиеся строки «Как в детстве! / Как в детстве!..» исключены из основного текста.

⁵² В основном тексте фрагмент существенно сокращен:

В квартирных потёмках лежала я тихо.
И тихо стучали часы надо мною.

⁵³ В основном тексте фрагмент «И время / Меня обтекало...» сокращен и переработан:

А время живое
меня сторонилось,
меня обходило,
меня не касалось.

⁵⁴ Отрывок «Лежала я тихо...» в основном тексте переработан:

Лежала я долго,
быть может, неделю.
Не знаю.
Не помню.

⁵⁵ Две последние строки изъяты из основного текста.

⁵⁶ Фрагмент «Потом он пришел...» значительно переработан в основном тексте:

Потом
он приехал,
вбежал запыхавшись,
ходил по квартире
вслепую, на ощупь,
на мебель на каждом шагу натыкаясь,
ко мне приближаясь
всё ближе,
всё ближе.

⁵⁷ Окончательный вариант: «В квартирной пустыне».

⁵⁸ Фрагмент «И жирно / Углем...» изъят из окончательного текста.

⁵⁹ Фрагменты «Потом / Он схватил...» и «А я все молчала...» отсутствуют в окончательном тексте.

⁶⁰ Окончательный вариант: «мое полудетское лёгкое тело».

⁶¹ Окончательный вариант: «висело багровое низкое солнце».

⁶² Фрагмент «В сугробах по пояс...» отсутствует в окончательном тексте.

⁶³ Первоначально: «огромной».

⁶⁴ Фрагмент полностью переработан. Окончательный вариант:

И там, в глубине пирамиды,
был город.

Дома прижимались
друг к другу боками.
Дома замерзали не падая,
стоя.
И улицы
прямо и гордо лежали,
примёрзнув друг к другу
на перекрестках.

⁶⁵ Окончательный вариант: «по улице длинной».

⁶⁶ Окончательный вариант:

по свежему
белому-белому снегу.

⁶⁷ Вписано на полях машинописи.

- ⁶⁸ Окончательный вариант:
поющему снегу,
скрипящему снегу.
- ⁶⁹ Окончательный вариант: «висело багровое низкое солнце».
- ⁷⁰ Строки изъяты из основного текста.
- ⁷¹ Окончательный вариант: «неподвижно».
- ⁷² Строка стерта.
- ⁷³ Фрагмент в основном тексте переработан:
До солнца осталось
не так уж и много.
Оно отогреет тебя,
отогреет.
Попросим его,
и оно отогреет.
- ⁷⁴ После этой строки вставлены два стиха:
ведь ты же, я знаю,
всегда астрономией увлекалась.
- ⁷⁵ Окончательный вариант:
где меньше ухабов,
космической пыли.
- ⁷⁶ Этот фрагмент в окончательном тексте заменен на более лаконичный:
Послушай,
нам надо поторопиться,
еще полчаса,
и уже будет поздно.
- ⁷⁷ Окончательный вариант:
Вторую оставим себе
и немедля
- ⁷⁸ Фрагмент «На Марсе, быть может...» отсутствует в окончательном тексте.
- ⁷⁹ Окончательный вариант:
и в кузов трёхтонки
меня положили.
- ⁸⁰ Фрагмент «И там было тесно...» отсутствует в основном тексте.
- ⁸¹ Строки «А он всё кричал...» изъяты из окончательного текста.
- ⁸² Окончательный вариант:
Он рвался за мной,
но его не пустили.
- ⁸³ Первоначально: «Сзади».
- ⁸⁴ В окончательном тексте после этой строки добавлены три стиха:
я же знаю:
он ищет меня,
но не может найти.
- ⁸⁵ Концовка в окончательном тексте радикально переработана (вместо «Скелет отступил...»):
И она ушла от меня
по набережной.
Такая тоненькая-тоненькая,
ужасно,
невыносимо худенькая,
самая худенькая Жар-птица
из всех,
которые мне встречались.

Библиографический список

1. *Алексеев Г.* Избранные стихотворения. СПб., 2006.
2. *Алексеев Г.* На мосту. Стихи и поэма. Л.: Сов. писатель, 1976.
3. *Алексеев Г.* Неизвестный Алексеев. Неизданная проза Геннадия Алексеева. Дневники. СПб., 2014.
4. *Алексеев Г.* Неизвестный Алексеев: Неизданная проза Геннадия Алексеева. СПб., 2017.
5. *Блюм А.* Блокадная тема в блокадной цензуре // Нева. 2014. № 1. С. 238–245.
6. *Елисеев Н.* Тени стихов // Новый мир. 2007. № 9. С. 181–183.
7. *Мирзаев А. М., Орлицкий Ю. Б., Родюкова М. В.* Стихи и проза Геннадия Алексеева в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003–2004 годы / отв. ред. Т. С. Царькова. СПб., 2007. С. 809–856.